

УДК 81'373
ББК 81.03

МЕТАФОРА КАК ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

А.А. Скрипаль

Повышенная метафоричность как один из важнейших признаков современной агитационно-политической речи отмечается многими исследователями (Н.Д. Арутюновой, А.Н. Барановым, Ю.Н. Карауловым, Дж. Лаккоффом, А.П. Чудиновым, Е.И. Шейгал и др.). Будучи одним из самых эффективных средств воздействия на интеллект и эмоции адресата, метафоры (как и иные изобразительно-выразительные средства в политическом тексте) имеют ценность не сами по себе, как средство оживления материала, а прежде всего с точки зрения оценочного эффекта, который они производят.

В ряду метафорических моделей политического текста, наиболее актуальных в XXI в., А.П. Чудинов выделяет метафорические модели с исходными понятийными сферами «криминал» (*отмывать деньги, досиживать второй срок, наезд на губернатора*), «война» (*нанести удар, выиграть битву*) и «болезнь» (*коммуналка парализована*), в которых наиболее ярко проявляются характерные для современного политического дискурса векторы опасности, агрессивности и тревожности [6, с. 36]. Иначе говоря, современная Россия в метафорическом зеркале часто предстает как больное общество, проникнутое криминальными отношениями, как нечеловеческий мир, где идет непрерывная гражданская война. О сугубо национальной российской специфике этих метафор свидетельствуют исследования политического дискурса других стран. Так, Н.Н. Корнилаева после анализа метафор американского предвыборного дискурса пришла к выводу о необычайной продуктивности и даже универсальности там метафорической модели «спорт».

Политическое событие позиционируется как вид спорта: футбол, баскетбол, теннис, бейсбол, боулинг, вело- и мотогонки; рейтинг кандидатов определяют прыжки с шестом и т. п. «Ключевым семантическим компонентом, обеспечивающим возможность уподобления предвыборной кампании спорту, является “соревновательность”, в равной мере присущая обоим видам деятельности» [4, с. 14]. Наши политики, напротив, хотят *завоевать большинство в думе..., нанести решительный удар..., вести борьбу с коррупцией..., дать бой равнодушию* и т. п. Соответственно и политический противник позиционируется не как спортивный соперник, а как враг: он *взяточник «в законе», коррупционер, член мафии, трибунный «краснобай»* а также *дерьмократ* или *совок* (в зависимости от политической ориентации адресанта).

В связи с этим многие исследователи указывают на повышенную агрессивность российской политической речи, активное использование конфронтационных стратегий и тактик, негативно оценочных языковых средств: «Деструктивная коммуникативная стратегия СМИ подрывает основу российского менталитета, который всегда был построен на доминанте морали, на приоритете идей правды и справедливости» [1, с. 138].

Вместе с тем в современном политическом языке наблюдается определенная трансформация. Раньше за идеологемами прочно закреплялось определенное оценочное значение. Об этом, в частности, писал Г.Я. Солганик: *«труд, мир, социализм, коммунизм, партия, марксизм, ленинизм, соцсоревнование – слова, положительная оценочность которых ясна и без контекста. Другая группа*

лексики, выражающая идеологически враждебные понятия, имеет отрицательную оценочность: *империализм, капитализм* и др. Эти понятия настолько скомпрометированы в сознании народов, что даже буржуазные пропагандисты избегают употребления этих слов, маскируя их “эвфемизмами” [6, с. 27]. Чем дальше уходят советские времена, тем сильнее ощущаются изменения в социальной оценочности слов: они становятся либо нейтральными, либо изменяют коннотацию. Решающую роль в присвоении того или иного оценочного значения идеологеме играет политическая позиция, мировоззрение носителей языка. Исследователи объясняют подобные изменения тем, что «одной из самых характерных черт современной политической коммуникации считается нацеленность не на отражение действительности, а на ее моделирование за счет отбора информации и способов подачи материала. Это означает, что в политической речи выбор слова часто диктуется требованием формирования общественного мнения по определенному вопросу, причем обычно это делается почти незаметно, минуя сознание» [2, с. 69].

Нередко положительная или отрицательная оценочность слова зависит от контекстного употребления. Ср.: «*Секретарь обкома КППРФ Николай Моисеев. Его в Волгограде знают все. Трибун, боец, коммунист*» (КП. 2005. 23 окт.). При употреблении в контексте с позитивно оценочными лексическими единицами *трибун, боец* номинация *коммунист*, обладающая вариативной оценочностью, также приобретает положительную коннотацию.

Важной особенностью политических метафор является тот факт, что они могут содержать как отрицательную, так и положительную оценку. Например, метафора войны. С одной стороны: *Теперь они* [политические противники] *хотят захватить большинство и в городской Думе* (Вечерний Волгоград. 2005. 15 сен.), а с другой стороны: *Необходимо начать всенародную войну с взяточниками и проходимцам* (КП. 2005. 23 окт.). В первом примере лексема *захватить* имеет отрицательно-оценочное значение, указывает на незаконность предполагаемых действий. Во втором примере *война* представлена как народная и освободительная. При-

веденные метафорические употребления отличаются избранным основанием для оценки: «их» и «наша» война – понятия антонимичные. «Наша» война – всенародная, направленная на искоренение порока, «их» война – незримая, разрушающая.

Специфика современной политической метафоры нередко состоит и в том, что она пронизывает весь текст: *В органах власти процветает бездействие, коррупция, бюрократизм, поборы. Все последние годы идет настоящее заболачивание органов управления областью. Не случайно соседи за глаза называют Волгоградскую область «Болото имени Максюты». И в нем гаснут все благие начинания, толковые идеи. Всю эту болотистую почву надо менять, разбюрокрачивать. Власть должна выйти из болота на чистую воду.* (Предвыборная листовка. 2005).

Метафора *болото* организует весь этот текст. Среди признаков «застоя» названы: *бюрократизм* – пренебрежение к существу дела ради соблюдения формальностей [5]; *поборы* – непосильные налоги или сборы [5]. Экспрессивная номинация «*Болото имени Максюты*» указывает на хозяина и главного виновника ситуации (употреблена иронически, для актуализации семантического контраста: «в честь» – в знак уважения к кому-либо и «болото» – косность, застой). Столкновение в одном речевом выражении языковых единиц, принадлежащих к разным сферам употребления, направлено на усиление экспрессии, отрицательной оценочности и, в конечном счете, эффекта воздействия.

Т.Г. Винокур отмечает, что «найти общий код с массовым адресатом – значит проявить готовность к использованию стандарта, выработанного для достижения целей, а также преуспевать в совершении такого языково-стилевого отбора, который свидетельствует о способности говорящего актуализировать навыки, равные (или сходные) с навыками слушающего» [3, с. 11].

В связи с этим можно утверждать, что оценочность выступает тем атрибутивным признаком политического текста, который является ключом к этому «общему коду», делающему смысл текста доступным для понимания, коммуникативно общезначи-

мым, универсальным для восприятия любой категорией избирателей. Оценка в предвыборном тексте необходима: она сигнализирует о ценностном отношении субъекта коммуникации к миру (ведь именно соотношение избирателями предлагаемых оценок с собственным опытом, ценностными приоритетами определяет дальнейший политический выбор); направляет мысль аудитории (представляется в виде суждения, с которым желательно согласиться). Использование различных средств выражения оценки (эмоциональности, экспрессивности, изобразительно-выразительных и стилистически маркированных средств языка) делает ее наглядной, понятной, адаптирует специфическую политическую информацию к пониманию в самых разных аудиториях. Наконец, именно усвоение адресатом системы оценок, эксплицированных или имплицированных в тексте автором, производит необходимый прагматический эффект, выражающийся в побуждении электората к действию (или сознательному бездействию).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисимова, Т. В. К вопросу о формах речевой агрессии в СМИ / Т. В. Анисимова // Эколингвистика. Язык региональных СМИ в зеркале русской речевой культуры : межвуз. сб. науч. тр. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2009. – 161 с.
2. Анисимова, Т. В. Манипуляция как дискурсивная характеристика / Т. В. Анисимова, Н. А. Крапченко. – Волгоград : Волгоградское науч. изд-во, 2010. – 204 с.
3. Винокур, Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения / Т. Г. Винокур. – М. : Изд-во УРСС, 2001. – 568 с.
4. Корнилаева, Н. Н. Языковые средства как способ моделирования восприятия в политическом дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. Н. Корнилаева. – М., 2008. – 16 с.
5. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : Азъ, 1987. – 917 с.
6. Солганик, Г. Я. Лексика газеты / Г. Я. Солганик. – М. : Высшая школа, 1981. – 112 с.
7. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : УрГПУ, 2001. – 238 с.